

Мира Влади



Вишневый сад
для изгнанной жены
ДРАКОНА

Мира Влади

**Вишневый сад для
изгнанной жены дракона**

«Литнет»

2025

Влади М.

Вишневый сад для изгнанной жены дракона / М. Влади —
«Литнет», 2025

Муж — мой истинный — разорвал наш союз, выжег нашу связь и выбросил меня за ворота замка, поверив в ложь своей фаворитки. Теперь я — изгнанница. Лишённая имени, семьи, дома. Опозоренная и ненавидимая. Никто больше не заговорит со мной, не протянет руки помощи. Я ушла в ночь, под ливень, с одной лишь пустотой внутри. Но я не сломаюсь. Я вернусь в дом своих родителей, в запущенный вишнёвый сад, где меня никто не ждёт. Начну жизнь сначала и зацвету, как деревья в моем саду. А он... он ещё пожалеет, что отвернулся от нас. Добавьте, пожалуйста, книгу в библиотеку и нажмите «мне нравится», для вас мелочь, а автор в экстазе))))

© Влади М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

– Ты отвратительна! – его голос гремел, как гром, срываясь на рык.

Дождь бил по булыжникам, превращая двор замка в месиво грязи. Холодный ветер, пропитанный запахом мокрого камня и магии, рвал на мне тонкую ночную сорочку. Меня не пускали забрать ни плащ, ни сапоги. Стражники стояли с отрешёнными лицами, будто унижать кого-то, вроде меня, — обычная рутина.

Я дрожала, но не от холода.

Передо мной стоял он. Наследный принц Империи — Сэйвер. Мой муж. Мой дракон. Мой палач. Его глаза, холодные, как лезвие меча, сверкали яростью, а в уголках губ играла усмешка — жесткая, безжалостная. Он смотрел на меня, как на что-то недостойное, как на грязь под своими драконьими когтями.

А рядом с ним, как всегда, была она. Его фаворитка. Его любимица. Та, что незаконным способом занимала мое место уже который год. Ее тонкие губы изогнулись в едва заметной улыбке, а в глазах читалось торжество. Она уже праздновала победу.

Дракон в облике человека, с его вечной ледяной отстранённостью, но теперь в его глазах была не просто холодность — в них свирепствовала буря ярости. Глаза цвета расплавленного золота вспыхивали, как пламя, готовое сжечь меня дотла.

– Тебе не место здесь, убийца! Ты предала меня, уничтожив моего ребёнка! – его голос гремел, как гром, срываясь на рык. –

Я захрипела, захлебнувшись болью. Слова пронзили меня, как лезвия, разрывая душу на куски. Как он мог так говорить? Я любила его больше жизни. Его и нашего будущего ребенка...

– Это ложь! – сорвался мой голос, полный отчаяния. – Я не знала, что это был за отвар! Это Варина... она подсунула его мне!

Варина, его фаворитка, стояла чуть позади, прижимая к себе край своей роскошной мантии, такой белоснежной, что на фоне луж она казалась издёвкой. В уголках её губ плясала едва уловимая улыбка. Глаза её лучились довольством, и я поняла: она наслаждается каждым мгновением моего падения.

– Конечно, ты не знала, дорогая, – её голос был медовым, но отравленным ядом. – Разве мать стала бы пить что-то, не зная, что это убьёт её дитя?

Я шагнула вперёд, но стражник грубо схватил меня за плечо, впечатывая в сырую землю. Боль вспыхнула в теле, но её было ничтожно мало по сравнению с той пропастью, что разверзлась в моей груди.

– Это ложь! – крик сорвался с моих губ, пропитанный отчаянием и ненавистью. – Ты мне не веришь, Сэйвер?! Ты, мой муж, отец моего ребёнка, ты веришь ей, но не мне?!

Его лицо исказилось в презрении, губы скривились в усмешке.

– Ты мне больше не жена, – прорычал он. – Ты никто. Разорванный союз — вот всё, что осталось от нас.

Он взмахнул рукой, и боль пронзила моё плечо, распространяясь огненным вихрем по коже. Я закричала, ощущая, как что-то выжигается изнутри. Метка истинности — священный знак, связывающий нас узами, — тлела, исчезая под его магией, оставляя за собой лишь обожжённую плоть и страшную пустоту.

Стражники и придворные ахнули, и я знала, что теперь для всех я проклятая. С изгнанной не заговорит ни одна уважающая себя душа. Я стала изгоем, недостойной даже жалости.

Ребёнок...

Всё ещё казалось невозможным, что его больше нет. Что я никогда не увижу его крошечных пальчиков, не услышу тихого, сонного дыхания. Что не прижму его к себе, не назову по имени. Эта мысль разрывала меня на части, превращая боль в бесконечную пытку.

В горле комом стояла горечь, а в груди — пустота, холодная и бездонная, как пропасть. Я задохнулась от рыдания, но быстро захлопнула рот, не позволяя звуку вырваться. Они не должны слышать. Не заслужили знать, как глубоко они ранил меня.

Я сжала зубы, пытаюсь не позволить слезам хлынуть. Если заплачу, это будет поражением. Если начну умолять, это будет унижением. А если останусь — он уничтожит меня полностью.

— Выведите её! — приказал Сэйвер стражникам, развернувшись. Его голос был исполнен отвращения, будто я была ничем иным, как мусором.

Меня схватили за руки, подняли с земли, и я даже не сопротивлялась. Грязь стекала по моему телу, смешиваясь с дождём. Я пыталась дышать, но воздух казался вязким, едва проникающим в лёгкие.

Следующий миг — и меня швырнули за массивные ворота. Я упала в лужу, холодная вода проникла под тонкую ткань. Боль от удара отозвалась в рёбрах, но это было ничто по сравнению с бездной внутри.

Я лежала, не двигаясь, глядя в серое, размытое небо. Всё кончено. Меня больше не существовало.

Только дождь, грязь и пустота. Только я — никому не нужная, выброшенная, растоптанная.

Сжала пальцы, впиваясь ногтями в ладони, чувствуя, как кожа рвётся. Боль. Хоть какое-то чувство, которое доказывает, что я ещё жива.

Прошло время, прежде чем я смогла сесть. Дрожащими руками стереть грязь с лица. Впереди лишь дорога, затерянная во тьме. А ещё — необычно сильное желание доказать, что я справлюсь и без этого предателя.

Глава 2

Прошёл месяц с того дня, как меня выбросили за ворота замка. Месяц, который казался вечностью. Месяц, который превратил меня из жены наследного принца в изгнанницу, в тень самой себя.

Дорога на юг была долгой и мучительной. Я шла, ехала, иногда останавливалась, чтобы перевести дух, но никогда не позволяла себе надолго задерживаться. Каждый день был борьбой — не только с усталостью, но и с людьми, которые шарахались от меня, как от прокажённой. Выжженная метка на плече, тлеющая, как напоминание о моём позоре, была видна всем. Она говорила сама за себя: "Эта женщина — предательница. Её не стоит касаться".

Первые дни я шла пешком. Ноги болели, но боль была ничем по сравнению с пустотой внутри. Я питалась тем, что находила в лесу: ягодами, кореньями, иногда ловила рыбу в мелких речушках. Однажды мне повезло — я нашла заброшенную ферму, где в сарае осталось немного зерна. Я съела его сырым, не думая о последствиях. Голод был сильнее страха.

На третий день я встретила торговца, который согласился подвезти меня бесплатно. Он не спросил, кто я, но его взгляд скользнул по моему плечу, и он понял всё без слов. Мы ехали молча, и я благодарил судьбу за то, что он не выбросил меня из повозки.

Но не все были так терпимы. В одной деревне меня прогнали, бросив в меня камнями. В другой — отказались даже дать воды, несмотря на то, что я готова была отработать ее честным трудом. Люди боялись меня. Считали проклятой.

И, пожалуй, они были правы. В нашем мире, где драконы и люди связаны узами магии, разрыв союза — это не просто конец любви. Это клеймо, которое остаётся с тобой навсегда. Любой дракон может отвергнуть свою истинную пару, если та совершит грех, и тогда всё — связь разорвана, метка выжжена, а ты становишься изгоем.

Во мне больше не видели человека. Они видят только знак на моём плече, этот обугленный след, который кричит о моём "преступлении". Им не важно, что я не виновата. Для них я — отброс, недостойный даже взгляда.

И самое страшное — мне начинало казаться, что они правы. Что я проклята. Что заслужила это.

Ведь мне несколько лет не удавалось понести от Сэйвера. Каждый месяц приносил разочарование, а шёпот придворных о том, что я "бесплодная", ранил, как нож.

Мне приходилось терпеть его холодность, измены с фаворитками, равнодушие. Я верила, что однажды всё изменится.

И, когда наконец забеременела, это стало словно чудом. Я чувствовала себя на седьмом небе от счастья, даже несмотря на то, что он всё так же проводил ночи с другими.

Думала, что наш ребёнок станет мостом между нами, что Сэйвер увидит во мне не просто жену, но мать его наследника. Мечтала о том, как буду держать на руках наше дитя, как назову его, как буду защищать и любить больше жизни.

Но всё рухнуло в один миг. Мне подсунули отвар. Я не знала, что это яд. Мне сказали, что это чай, который поможет укрепить здоровье. Я выпила его, доверяя, как всегда, тем, кто был рядом. Потом началась боль. Страшная, невыносимая. Я кричала, звала на помощь, но никто не пришёл.

Никто, кроме Варины, которая стояла в дверях с холодной улыбкой на лице. Я потеряла сознание, а когда очнулась, сказали, что ребёнка больше нет.

Боль, которую чувствовала тогда, невозможно описать. Это было не просто физическое страдание — будто из меня вырвали часть души. Я плакала, кричала, умоляла Богов вернуть моё дитя. Но они молчали. А Сэйвер... Он смотрел с таким отвращением, будто я была чудо-

вищем. Мой муж поверил, что сама избавилась от ребёнка. Что могла сделать такое. Назвал убийцей, предательницей, и его слова резали глубже любого ножа.

Я до сих пор чувствую эту пустоту. Иногда мне кажется, что слышу тихий плач, раздающийся где-то глубоко внутри. Просыпаюсь ночью, обнимаю живот, будто он всё ещё там. Каждый раз, когда вспоминаю, что он никогда не родится, что никогда не увижу его улыбку, не услышу смех, сердце разрывается на части.

Не знаю, смогу ли когда-нибудь простить себя за то, что не смогла защитить его. За то, что доверилась тем, кто предал. За то, что не увидела подвоха. Но знаю одно — эта боль никогда не уйдёт. Останется, как шрам на душе, как вечное напоминание о том, что потеряла.

Через неделю я добралась до небольшого городка, где нашла работу у старой женщины, которая торговала пряностями. Она не спросила о моём прошлом, но её глаза, полные жалости, говорили, что она всё понимала. Я помогала ей сортировать травы, а она кормила меня и разрешала спать в сарае. Это было лучше, чем ничего.

Но даже там я не могла оставаться долго. Слухи о женщине с выжженной меткой распространились быстро, и вскоре в городке начали шептаться. Я ушла, не прощаясь, снова отправившись в путь.

Последние дни пути были самыми тяжёлыми. Я шла через горы, где ветер выл, как голодный зверь, и дождь бил по лицу, словно хлестал плетью. Ноги были в кровь изранены, а тело дрожало от холода. Но я не останавливалась.

И вот, наконец, увидела его. Заброшенное поместье моих родителей. Вишнёвый сад, который когда-то был гордостью нашей семьи, теперь зарос и одичал. Ветви деревьев сплелись в непроходимые заросли, а трава поднималась до колен. Дом, некогда полный жизни, теперь стоял в тишине, словно призрак.

Я подошла к воротам, которые скрипнули, как будто протестуя против моего возвращения. Внутри всё было покрыто пылью и паутиной. Но это был дом. Мой дом.

Упала на колени посреди зала, где когда-то звучал смех и музыка. Слёзы, которые я так долго сдерживала, наконец хлынули. Но это были не слёзы отчаяния. Это были слёзы облегчения.

Я добралась. Выжила. И теперь, здесь, в этом заброшенном саду, я начну всё заново. Пусть мир считает меня проклятой. Пусть он отвернулся от меня. Я не сломаюсь.

Глава 3

Первый день в поместье начался с рассвета. Я проснулась на полу в одной из комнат, укрытая своим потрёпанным плащом. Воздух был тёплым, но сырым, пропитанным запахом плесени и старого дерева. Я встала, чувствуя, как каждая кость в теле ноет от усталости. Но это был мой дом. Мой и моих родителей. И я не могла позволить себе посрамить их память.

Мои родители были благородными людьми, верными Империи. Отец, граф Элиан, служил трону с честью и достоинством. Мать, леди Илария, была женщиной с добрым сердцем и сильным характером. Они любили друг друга и мечтали о том, чтобы их дочь — я — нашла своё счастье. Но их жизнь оборвалась из-за предательства. Отец был обвинён в заговоре против трона. Ложные улики, подкупленные свидетели — всё было против него. Их имя было опозорено, земли собирались конфисковать, а их самих казнили на дворцовой площади.

Я была их единственной дочерью, и теперь, спустя годы, вернулась туда, где когда-то было моё детство.

Поместье стояло в отдалении от поселений, на краю леса, где земля была каменистой, а дороги — редкими. Когда-то здесь кипела жизнь: слуги сновали по двору, в конюшнях ржали лошади, а в саду цвели вишни. Но теперь всё было тихо. После смерти родителей поместье разграбили. Мебель, посуду, даже ковры — всё, что можно было унести, исчезло. Слуги разбежались, оставив дом на произвол судьбы. Я, тогда ещё восемнадцатилетняя девушка, пыталась удержать контроль над поместьем, управлять им. Сделать все, чтобы земли не конфисковали. Но сил у меня не хватало.

Тогда-то в моей жизни и появился Сэйвер. По воле отца он прилетел в наши земли, дабы разобраться с единственной наследницей рода Район и лишить ее последнего пристанища. Но не сделал это, поскольку почувствовал во мне истинную пару. Вместо того, чтобы забрать мое последнее пристанище, он предложил руку и сердце, обещая защиту и новую жизнь. Я, наивная и одинокая, согласилась. Тогда мне казалось, что это — счастливый конец, сказка. Но теперь понимаю, что это было началом моего падения.

Первым делом после пробуждения я отправилась в сад. Вишнёвые деревья, которые когда-то были гордостью поместья, теперь стояли, согнувшись под тяжестью сухих веток и запущенных побегов. Я взяла топор, который нашла в сарае, и начала обрезать всё лишнее. Каждый удар отдавался в руках, но я не останавливалась. Это был мой сад, моё наследие. Наследие моих родителей — графа Элиана и леди Иларии. Они любили этот сад. Мать говорила, что вишни здесь цветут так пышно, потому что земля помнит их любовь. Теперь земля помнила только забвение.

К полудню я уже успела расчистить небольшой участок. Солнце поднялось выше, и его лучи начали согревать землю. Я присела на корточки, чтобы перевести дух, и заметила, что в траве что-то шевелится. Это был старый кот, худой и облезлый, но с гордым взглядом. Он подошёл ко мне, осторожно обнюхал мою руку и уселся рядом, будто решил, что я теперь его хозяйка. Я улыбнулась. По крайней мере, кто-то в этом мире был готов принять меня без осуждения.

– Ну что, старик, – сказала я, погладив его по голове, – будем жить вместе?

Кот мурлыкнул в ответ, и я решила, что назову его Тенью. Он напомнил мне о том, что даже в самых тёмных уголках жизни можно найти свет.

После короткого перерыва я вернулась к работе. В сарае нашла старую лейку и решила полить деревья. Вода в колодце была чистой, хоть и холодной. Я наполнила лейку и начала поливать, чувствуя, как земля жадно впитывает влагу. Каждая капля воды казалась шагом к возрождению.

Но когда я подошла к колодцу в третий раз, ведро застряло. Я потянула сильнее, но верёвка оборвалась, и ведро с грохотом упало вниз.

Замерла, чувствуя, как гнев и отчаяние подступают к горлу. Это было последнее ведро. Теперь мне придётся искать другой способ добывать воду.

К вечеру я решила осмотреть дом более внимательно. Комнаты были пусты, но в одной из них, в дальнем углу, я нашла старый сундук. Он был заперт, но ключ торчал в замке. Я открыла его и обнаружила там несколько вещей, которые принадлежали моим родителям: старую шкатулку с украшениями, потрёпанный дневник отца и портрет матери. Шкатулка была пуста — всё, что в ней было, давно разворовали. Я взяла портрет в руки и почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза. Она была такой красивой, такой сильной. Я пообещала себе, что буду достойна её памяти.

Вечером развела небольшой костёр во дворе, чтобы согреться и приготовить ужин. В деревеньке, что была по пути сюда, я успела запастись буханкой хлеба, а в лесу дополнительно набрала горсть ягод. Это было скудное питание, но я была благодарна и за это. Тень устроился рядом, наблюдая за мной с высоты своего кошачьего достоинства. Мою еду он, конечно, не стал бы есть, но его присутствие было утешением.

Я уже собиралась лечь спать, когда услышала стук копыт. Сердце замерло. Кто мог ехать сюда, в это заброшенное место? Я схватила топор и вышла во двор.

Из темноты появился всадник. Высокий, сутулый, с седой бородой и пронзительным взглядом. Он спешил и подошёл ко мне, не говоря ни слова. Его лицо было изрезано морщинами, но в глазах горел огонь, который заставил меня насторожиться.

– Ты не должна была сюда возвращаться, – сказал он, и его голос был низким и хриплым.

Я сжала топор в руках, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди.

– Кто вы? – спросила, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то знакомое.

– Ты меня не узнаёшь, девочка? – спросил он, и в его голосе прозвучала грусть. – Я — Гаррет. Твой старый управляющий.

Я замерла. Гаррет. Человек, который знал меня с детства. Который учил меня ездить верхом и рассказывал истории о драконах. Который исчез, когда родители умерли. И теперь он стоял передо мной, как призрак из прошлого.

– Гаррет? – прошептала я, опуская топор. – Это действительно ты?

Он кивнул, и в его глазах блеснули слёзы.

– Да, Айрис. Это я. И я вернулся, чтобы помочь тебе.

Стояла, не в силах пошевелиться, глядя на Гаррета. Его лицо, изрезанное морщинами, казалось одновременно знакомым и чужим. Последний раз я видела его много лет назад, когда он исчез вскоре после смерти родителей. Тогда я думала, что он предал нас, как и все остальные. Но теперь бывший управляющий стоял передо мной, и в его глазах читалось что-то тёплое, почти отеческое.

– Невероятно, – прошептала я, опуская топор. – Но... почему ты вернулся только сейчас? Где ты был все эти годы?

Он вздохнул, и его плечи слегка сгорбились, будто под тяжестью воспоминаний.

– Я не мог остаться, девочка, – сказал он тихо, и в его голосе звучала мягкость, которую я не слышала много лет. – После того, как твоих родителей казнили, я был в списках тех, кого хотели схватить. Мне пришлось бежать. Но я всегда следил за тобой. Когда услышал, что жену принца изгнали, я сразу понял, что ты в беде и выдвинулся ко дворцу. Но тебя уже там не было. Не трудно было догадаться, куда ты отправишься, – он замолчал, словно подбирая слова. – Мне ужасно жаль, что все так вышло. Я... – он огляделся вокруг, – что тебе пришлось пережить, девочка.

Я почувствовала, как комок подступает к горлу. Всё это время он был где-то рядом, наблюдал за мной, но не мог подойти. И теперь, когда я оказалась на дне, он пришёл.

– Ты знаешь, что случилось? – спросила, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Гаррет покачал головой.

– Знаю только, что тебя изгнали. Остальное... – он вздохнул, – остальное не важно. Ты здесь, и ты жива. Это главное.

Он вновь огляделся вокруг, и его взгляд остановился на разрушенном доме и заросшем саду.

– Это место... – начал он, но я перебила его.

– Это мой дом, – сказала я твёрдо. – И я собираюсь его восстановить. С твоей помощью или без неё.

Гаррет улыбнулся, и в его глазах появился знакомый блеск.

– Ты всё та же, Айрис. Упрямая, как твой отец. И сильная, как твоя мать. Но сегодня ты не останешься здесь. Пойдём со мной в деревню. Там ты сможешь поесть нормально и переночевать в тепле.

Хотела возразить, но он уже взял меня за руку и повёл к своей лошади. Его присутствие было таким знакомым, таким успокаивающим, что я позволила себе расслабиться, хотя бы на мгновение. Гаррет всегда знал, что делать.

– А как же Тень? – спросила я, оглядываясь на кота, который сидел на крыльце и наблюдал за нами с привычным равнодушием.

Старый управляющий посмотрел на него и усмехнулся.

– Не волнуйся, он, пусть и дикий, но не потеряется на своей территории. Коты всегда хорошо ориентируются в месте, который считают своим дом.

Мы доехали до деревни в молчании. Гаррет привёл меня в таверну, где заказал ужин и комнату на ночь. Когда я попыталась возразить, что у меня нет денег, он только махнул рукой.

– Не беспокойся. Это моя забота.

Он также дал мне свой плащ взамен моего, старого и рваного, чтобы скрыть выжженную метку на плече. Я накинула его, чувствуя, как стыд и благодарность смешиваются в груди. Гаррет понимал, что метка сделает меня изгоем даже здесь, в этой маленькой деревне.

Ужин был простым, но сытным: тёплый суп, хлеб и кусок сыра. Я ела молча, чувствуя, как тепло разливается по телу. Старик сидел напротив, наблюдая за мной с тихой улыбкой.

– Завтра утром я добуду тебе одежды и кое-какие вещи, которые тебе пригодятся, – сказал он, когда я закончила есть.

Я посмотрела на него, чувствуя, как стыд и неловкость сжимают горло.

– Что ты... Не надо... я не могу принять это, – прошептала.

Он улыбнулся и положил руку на моё плечо.

– Надо. Ты как внучка для меня, Айрис. Ты ничего мне не должна. Это я должен искупить вину за то, что оставил тебя тогда. Просто прими это в качестве раскаяние старика.

Кивнула, чувствуя, как слёзы снова подступают. Он проводил меня до комнаты, где я могла переночевать.

Комната была маленькой, но чистой и уютной. Я опустилась на кровать, чувствуя, как усталость наконец накрывает меня с головой.

На следующее утро Гаррет разбудил меня рано. Он принёс мне одежду: мягкие сапожки и простое крестьянское платье, но зато чистое и тёплое.

Облачилась в новую одежду, стараясь не думать о том, сколько она могла стоить. Платье было с рукавами, что помогало скрывать шрам на моем плече, поэтому я чувствовала себя немного безопаснее.

Когда мы вышли из таверны, увидела группу мужчин, стоящих рядом с лошадьми. Их было человек пять, все крепкие, с загорелыми лицами и руками, привыкшими к тяжёлой работе. Они смотрели на меня с любопытством, но без осуждения.

– Это те, кто поможет тебе, – сказал Гаррет, указывая на них. – Они знают, что ты восстанавливаешь поместье своих родителей. И они хотят помочь.

Я посмотрела на них, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Это было слишком много. Слишком много доброты, слишком много поддержки. Я не знала, как выразить свою благодарность.

– Спасибо, – прошептала я, обращаясь к ним. – Я... я не знаю, что сказать.

Один из мужчин, самый старший, с седой бородой и добрыми глазами, шагнул вперёд.

– Мы помним твоих родителей, леди Айрис. Они были хорошими людьми. И мы хотим помочь тебе вернуть то, что было потеряно.

Гаррет положил руку на моё плечо.

– Пойдём, девочка. У нас много работы.

Мы отправились в поместье, и я чувствовала, как в груди разливается тепло. Впервые за долгое время я почувствовала, что всё будет хорошо. Потому что я больше не была одна. И потому что я знала, что мои родители гордились бы мной.

Когда мы подъехали к поместью, я увидела, что Тень уже ждал нас на крыльце. Он сидел, как будто ничего не произошло, и смотрел на нас с привычным равнодушием.

– Видишь? – сказал Гаррет, улыбаясь. – Я же говорил, что он не пропадет.

Я улыбнулась, чувствуя, как тепло разливается по телу. Это был мой дом.

И я знала, что теперь у меня есть люди, которые помогут мне его восстановить.

Глава 4

Жизнь в поместье понемногу налаживалась, но это не означало, что становилось легче. Рабочие, которых привёл Гаррет, восстановили одну из комнат на втором этаже. Она была небольшой, но прочной, с целыми стенами и крышей, которая больше не протекала. Здесь было холодно, пахло сыростью и старым деревом, но это было лучше, чем ютиться в сарае или спать под открытым небом. Я решила остаться здесь, не желая больше быть обузой для Гаррета. Он и так сделал для меня слишком много.

Каждое утро он приезжал с рассветом, привозя продукты, инструменты и иногда даже одежду, избегая разговоров о том, скольким я теперь ему обязана. Я не спрашивала. Вечером он уезжал обратно в деревню, оставляя меня одну в тишине разрушенного дома. Иногда я ловила себя на том, что слушаю, как глухо стучат копыта его лошади по дороге. Этот звук почему-то успокаивал.

Рабочие приходили на рассвете и уезжали вечером. Они были молчаливы, но трудолюбивы. Мы вместе чинили крышу, заделывали дыры в стенах, расчищали завалы. Я работала вместе с ними, стирая с лица пот и грязь, чувствуя, как от непривычной тяжёлой работы горят мышцы. Я не была избалованной, но в императорском замке мне никогда не приходилось заниматься таким трудом. Теперь приходилось.

Но сад... это было отдельной историей.

Я стояла среди переплетённых сухих ветвей, разглядывая остатки того, что когда-то было гордостью поместья. Вишнёвые деревья выглядели мёртвыми — изломанные сучья, иссохшая кора, корни, обвитые сорняками. Земля под ними была твёрдой, как камень. Глядя на это, я чувствовала, как что-то внутри меня сжимается. Мои потуги в первый день едва ли принесли плоды.

Мать любила этот сад. Говорила, что деревья — это символ семьи: если их холить и лелеять, они будут плодоносить, если забыть — зачахнут. И сейчас сад напоминал мне о том, что наша семья умерла. Осталась только я, последняя, сломанная ветка, выброшенная в грязь.

– Нужно правильно обрезать сухие ветви, – сказал Томас, старший из рабочих. – Дать земле воздух. Потом удобрить. Но это займёт время.

– Время у меня есть, – тихо отозвалась на это.

Я взяла секатор, вжала его в ладонь. Холодная сталь обожгла пальцы. Подошла к первому дереву и вздохнула. Оно было старое, иссушенное, с перекрученными сучьями, словно в мучении пытавшееся дотянуться до солнца. Я подняла руку, сжала ручку секатора — ветка хрустнула, упала в траву. Затем другая, третья. Работала методично, но внутри всё переворачивалось. Казалось, я режу не дерево, а саму себя. Обрезаю прошлое, детские воспоминания, последние следы родительской любви.

Я сделала очередной срез, и в этот миг замерла. На месте среза, там, где ещё секунду назад была сухая ветка, появилась крошечная зелёная точка. Росток.

Моргнула, думая, что это усталость или игра света. Но росток был настоящим. Он пробился сквозь древесину, словно отзываясь на мой срез.

Я сделала шаг назад, сдавленно дыша. Это невозможно. Никто, кроме меня не заметил. И это, наверное, к лучшему? Вдруг, скажут, что так и было и мне это все просто привиделось? Я продолжила работать, но теперь руки дрожали.

В груди поселилось странное чувство. словно я пропустила нечто важное. Ощущение, знакомое, но давно забытое.

Ночью, лёжа на грубой постели, я прижала ладонь к животу. Тело ломило от усталости, мышцы ныло, как будто я сражалась весь день без передышки. Но самое тяжёлое было не это. Внутри поселилась странная тяжесть — нечто большее, чем просто изнеможение. Меня

бросало то в жар, то в холод. Сердце билось слишком быстро, а затем замедлялось, словно пытаюсь прислушаться к чему-то незримому.

Закрыла глаза, дрожа от страха, но с новой, глухой решимостью. Завтра я должна понять, что происходит. Должна узнать правду. Мне было плохо. Усталость, тошнота, тяжесть внизу живота. Я списывала всё на работу, на стресс, на недоедание, но что-то внутри не давало мне покоя.

В голове всплыло воспоминание — ночь в замке. Боль, жар, кровь. Они сказали, что я потеряла ребёнка. Но если так... почему я чувствую это сейчас? Почему иногда мне кажется, что внутри меня ещё что-то живёт?

Утром я продолжила работу. Рабочие занимались починкой дома и прочих строений, Гаррет уехал, и я снова стояла в саду. Вчерашний росток был на месте. Он выглядел сильнее. Я не знала, что это значило, поэтому и не хотела говорить об этом никому. По крайней мере, пока не разберусь сама.

Вечером, когда рабочие уехали, а Гаррет остался, чтобы помочь мне с ужином, я почувствовала, как что-то щемит в груди. Это была не только усталость. Это было что-то другое.

Я сидела у восстановленного и прочищенного камина, рассеянно перебирая пальцами грубую ткань подола своего платья. Пламя потрескивало, отражаясь в тёмных глазах Гаррета. Мы ели молча, но я чувствовала, что он наблюдает за мной. Он всегда замечал, когда со мной что-то было не так. Наверное, поэтому я и решилась заговорить.

— Гаррет, — сказала я тихо, не поднимая взгляда. — Я... я чувствую, что что-то не так. Что-то внутри меня.

Он не ответил сразу. Только положил ложку на деревянную тарелку, сложил руки и внимательно посмотрел на меня. Этот взгляд был глубоким, старческим, полным понимания.

— Что ты имеешь в виду, девочка? — его голос был низким, почти ласковым.

Я сжала кулаки на коленях, а затем медленно, словно через силу, положила ладонь на живот. Движение было почти бессознательным. Воздух вдруг стал тяжёлым, словно натянутый канат.

— Я... я думаю, что ребёнок... что он всё ещё там, — голос сорвался на шёпот, почти на испуганный выдох.

Гаррет не шевельнулся. Ни один мускул на его лице не дрогнул, но я видела, как он напрягся. Он не пытался спорить, не сказал, что это невозможно. Просто смотрел. А затем медленно заговорил:

— Ты уверена?

Я покачала головой, сжав пальцы на ткани юбки. Она была грубой, натершей мне кожу за день работы в саду, но сейчас это казалось неважным. Важным было только то, что я чувствовала.

— Нет. Но я чувствую... что-то. Иногда это просто слабость, иногда... будто внутри есть жизнь, — я сглотнула. — Но ведь это невозможно, да? Я же... потеряла его.

Гаррет вздохнул и наклонился чуть ближе. Тепло от огня коснулось его лица, подчеркивая глубокие морщины, рассказывающие о годах пережитых невзгод.

— Завтра я привезу тебе кое-кого. Кто сможет помочь разобраться, — в его голосе не было сомнений.

Только твёрдое, непоколебимое обещание.

Утро выдалось холодным, несмотря на наступившую весну. Я стояла у окна, грея ладони о чашку с горячим травяным отваром, и смотрела, как солнце медленно поднимается над горизонтом.

Сегодня должен был приехать Гаррет. Он сказал, что привезёт с собой человека, который сможет помочь, но я не знала, стоит ли мне этого бояться или надеяться. Я не привыкла ждать

хороших новостей — последние месяцы доказали мне, что жизнь скорее отнимет, чем подарит. И всё же ловила себя на том, что считаю минуты, прислушиваясь к каждому звуку за окнами.

Мои пальцы непроизвольно скользнули к животу. Страх смешивался с надеждой. Если старуха скажет, что я ошибалась, что ничего нет... Сможет ли моя душа пережить ещё одну потерю?

А если всё правда? Если жизнь, которую я считала потерянной, всё ещё теплится во мне?

Стук копыт заставил меня встрепенуться. Я поставила чашку на подоконник и вышла на крыльцо. Гаррет спрыгнул с лошади, а следом за ним из телеги, закутанная в тёмный плащ, медленно выбралась старуха.

Она была невысокой, сутулой, с цепким взглядом, который сразу же впился в меня. Лицо её, испещренное морщинами, выглядело так, будто ей довелось видеть больше, чем большинству людей в этой империи. Голову покрывал выцветший платок, а из-под него выбивались пряди седых волос.

Она напоминала мне тех старух, что сидят на крыльце в любой деревне, шурясь на солнце и бормоча что-то под нос. Но в её глазах, в том, как она держалась, скрывалась далеко не старческая сила и мудрость.

— Значит, ты и есть девонька, которую погнали взашей из дворца, — проговорила она хриловато, не сводя с меня пристального взгляда. — Айрис, да?

Я кивнула. Видимо, Гаррет сказал ей мое имя заранее.

— А вы...

— Зови меня бабка Эдвина и не смей мне «выкать», не на дворцовом приеме, — она громко шмыгнула носом и покосилась на Гаррета. — Ну, чё стоишь? Веди в дом, а то на ветру все кости промерзнут.

Гаррет лишь усмехнулся и махнул мне рукой, мол, не перечь.

Я провела их в гостиную, одну из первых комнат, которые удалось привести в порядок и в которой я ночевала. Здесь больше не было запустения: полы вымыты, камин разожжён, старый стол прикрыт чистой тканью, на полках аккуратно сложены редкие уцелевшие вещи. Дом всё ещё казался пустым, но уже начинал напоминать настоящий.

— Хорошо у тебя тут, уютно, — пробормотала Эдвина, усаживаясь в кресло, которое Гаррет пододвинул к камину. — Теперь давай, девонька, ближе подойди. Гляну, что с тобой.

Пусть внутренне я и колебалась, но подчинилась.

Она взяла мои руки в свои, тёплые, мозолистые, с ногтями, за которыми застряла земля. Закрыла глаза, чуть склонив голову набок, словно прислушиваясь. В комнате повисла тишина. Только огонь потрескивал в камине.

Потом её морщинистое лицо исказила ухмылка.

— А ведь обманули тебя, девонька.

У меня пересохло в горле.

— Что?

— Ты не теряла дитя. Оно живо и крепко держится, — она хлопнула себя по коленям. — Силенок-то в тебе поболее, чем ты думаешь.

Воздух с силой вырвался из моей груди, будто я всё это время не дышала. Я покачнулась, но Гаррет успел подставить руку. Он что-то говорил, но его голос звучал приглушённо, словно через толщу воды.

— Но как?.. — мой голос дрожал. — Я же выпила отвар... Были... кровь, боль...

— Были, — согласилась Эдвина. — Но тебе это не повредило так, как должно было. И знаешь почему?

Она наклонилась ближе, её серые глаза сверкнули, как у лисицы.

— Потому что ты владелица Вишнёвого сада.

Я охнула. А следом в бросила на Эдвину взгляд полный недоумения.

– Причём здесь сад?

– А ты думала, он просто так тут растёт? – Эдвина хмыкнула. – Видишь ли, раньше на юге ходила легенда. О древних вишнёвых деревьях, плоды которых, по легендам, могли не только исцелять, но и пробуждать спящую силу в крови тех, кто их ел. Их, собственно, поэтому и уничтожили под корень. Вон только у твоего поместья и остался последний клочок сада. Я сразу заметила, как приехала. Хорошие у тебя родители были, ко всему с умом, не то, что нынешние дворяне... Так о чем это я? А! Говорили, что Вишнёвые деревья юга, Чернотравники, получили своё имя из-за того, что их корни впитывали в себя силу земли, делая почву вокруг чернее обычного. Эти деревья обладали великой целительской способностью — их плоды могли исцелять раны, замедлять болезни, а в редких случаях даже пробуждать в человеке нечто большее, чем просто здоровье. Магию. Что если человек съест их плоды, в нём может проснуться нечто, что давно считалось утерянным. Магия.

Я отшатнулась, будто она ударила меня. Если это правда...

– Это невозможно. Магия умерла.

Так нам говорили с детства. Её вытравили войны, уничтожили страх и человеческая алчность. Последним известным магом, не входящим в императорский род, был целитель, которого сожгли на костре за "ересь" — он якобы спас мальчишку от смертельной лихорадки, когда уже никто не мог помочь. С тех пор о магии говорят только шёпотом, в страшных сказках для детей или в хвастливых байках стариков.

Но если Эдвина права... если магия не умерла, а просто затаилась — что это значит для меня? Её носителями остались только драконы рода императорской семьи, и никто, кроме них, не мог даже помыслить о том, чтобы владеть силой. Истории о ведьмах и магах считались суевериями, добрыми сказками или страшилками для детей. Но если это ложь... если магия всё ещё живёт в крови... что это значит для меня?

– Так говорят, – Эдвина пожала плечами. – Но я жила достаточно долго, чтобы знать: не всё, что считается мёртвым, на самом деле мертво. Ты ведь ела плоды этих деревьев, да? Небось, с детства?

Я медленно кивнула, чувствуя, как внутри всё переворачивается. В груди вспыхнуло что-то тёплое, почти пугающее. Надежда? Страх? Или всё сразу?

– Ну вот и объяснение. Может, и не зря судьба вернула тебя в этот дом. А может, твоя кровь теперь другая. Только вот что будет дальше, никто не скажет, – она пожала плечами. – Это тебе предстоит узнать.

Не дав до конца осмыслить все сказанное ею, Эдвина хлопнула по подлокотнику и встала.

– Всё, хватит разговоров. Ты не больна, дитя твоё живо, а мне пора обратно, пока эти дурни из деревни не решили, что я тебя в ведьмы записала. Ещё не хватало, чтобы кто-то языком трепал, и меня потом в колодцы окунали, как в старые добрые времена, когда любую бабку с настойками объявляли ведьмой. Один раз споткнёшься, не так взглянешь — и вот уже толпа с вилами обсуждает, как лучше тебя сжечь. Нет уж, я к такому не привыкла, да и привыкать не собираюсь.

Она поднялась с кресла, отряхнула юбку и с видом человека, которому давно всё понятно, направилась к выходу. В дверях обернулась, смерив меня оценивающим взглядом.

– Но не думай, что всё само по себе уляжется, девонька. Теперь тебе придётся решать, что делать с этим знанием. А решения, знаешь ли, не всегда лёгкие.

Старуха уже почти вышла на крыльцо, когда я очнулась.

– Эдвина, подожди... Что мне теперь делать?

Она обернулась и хмыкнула.

– Расти свое дитя, девонька. И сад. Он тебя ещё удивит.

Глава 5

Прошлое. Несколько лет назад.

Прошло полгода с тех пор, как мои родители погибли, а моя жизнь превратилась в бесконечную борьбу за выживание. Я пыталась управлять поместьем, но без опыта и поддержки всё рушилось на глазах. Документы на владение тонули в пыли, а счета за зерно и дрова оставались неоплаченными. Оставшиеся слуги смотрели на меня с жалостью и жадностью: одни воровали, другие ждали, когда я сломаюсь.

Я сама пыталась делать то, что когда-то было обязанностью управляющего: пересчитывала припасы, проверяла сараи, но с каждым днём отчаяние только росло. Казалось, что стены этого дома стали каменной ловушкой, медленно затягивающей меня в темноту.

Я привыкла засыпать в холодной комнате, укутываясь в единственное одеяло, которое у меня осталось. Привыкла экономить на пище, питаюсь тем, что можно было найти в кладовой. Каждое утро начиналось с новых проблем: крыша протекала, мебель ветшала, слуги уходили, унося с собой последние ценные вещи. Я отчаянно пыталась удержать то, что осталось, но силы таяли.

И в этот день всё рухнуло окончательно.

Стук копыт и звон оружия раздался со двора. Сердце сжалось, и я бросилась к окну. Во двор въезжали всадники. Их серебряные доспехи сверкали в солнечном свете, а впереди, на чёрном жеребце, ехал мужчина в чёрно-золотом плаще. Наследный принц Империи — Сэйвер Первый.

Меня охватила паника. Я знала, зачем он здесь.

Выбежала на крыльцо, стараясь держаться ровно. Внутри всё сжималось от ужаса, но я не могла позволить себе слабость.

Дракон спешился, быстрым движением скинув плащ. Он был ещё опаснее, чем я представляла. Высокий, с хищными чертами лица и золотыми глазами, сверкающими холодом. Он раздражённо осмотрел поместье и фыркнул.

– Унылое место, – бросил он, даже не пытаясь скрыть презрение. – Не понимаю, зачем отец заставил меня сюда тащиться.

– Светлого дня, Ваше Высочество, – я сделала неглубокий поклон, стараясь сохранить достоинство. – Чем обязана визиту?

Он хмыкнул, скрестив руки на груди, словно оценивая не только поместье, но и меня саму. В его взгляде мелькнуло раздражение, но тут же исчезло, уступив безразличию.

– Как чем? – его взгляд лениво скользнул по мне, а затем остановился на доме. – Эта рухлядь больше не принадлежит тебе. По приказу короны земли твоего отца конфискуются. Собирай вещи и убирайся, пока я не велел стражникам вышвырнуть тебя за ворота.

Воздух сдавил лёгкие. Я знала, что этот день настанет. Знала, что Императорская семья не оставит мой род в покое. Но так скоро?

– Но... – голос дрожал, когда он шагнул ко мне. – Мой отец служил Империи верой и правдой.

– А потом предал её, – прервал он холодно. – Поэтому его и казнили. Ты только временно оставалась здесь, потому что никому не было до тебя дела. Время этой привилегии подошло к концу.

Ноги стали ватными. Я не могла потерять дом. Это было последнее, что осталось от моей семьи.

Сэйвер нахмурился, видя моё ошеломление. Он протянул руку, неосознанно коснувшись моего плеча, где ткань платья открывала кожу.

И в тот же миг мир перевернулся.

Кожа вспыхнула жаром, словно что-то внутри меня сорвалось с цепи, растекаясь волной горячего покаяния. Пламя, не обжигающее, а живое, охватило моё плечо, пульсируя в такт биению сердца. Я почувствовала, как тёплые вспышки пробегают по коже, словно невидимые нити сплетаются в нечто древнее, пробуждающееся внутри меня.

Сэйвер смотрел на меня так, словно видел впервые. А потом — его взгляд остановился на моём плече. Там, на коже, начала проступать метка. Я почувствовала, как она горит, словно огненный узор, впечатывающийся в моё тело. Символ истинной пары.

Принц медленно отпустил меня, но отступать не стал. В глазах золотилось что-то дикое, первобытное. Он прищурился, будто оценивая меня заново.

А потом его лицо изменилось. Раздражение исчезло, уступая чему-то другому — тёплову, завораживающему. Его губы чуть приоткрылись, словно он хотел сказать что-то, но не находил слов. Взгляд, ещё минуту назад холодный и отстранённый, стал глубже, внимательнее. Он смотрел на меня, будто пытался запомнить каждую черту лица, деталь, словно перед ним открылась совершенно новая истина.

– Как твоё имя?

– Айрис, мой принц, – немного хрипло отозвалась я.

– Айрис... – протянул он задумчиво. – Ты моя истинная.

Это не был вопрос. Это было знание. Приговор.

Я не могла дышать. Всё тело дрожало от шока, от жара, который никуда не исчезал. Я истинная самого наследного принца Империи. Это действительно происходит?

– Мы поженимся, – объявил он так, словно это было решено давным-давно. – Это не обсуждается.

Мир рушился. Или менялись его законы? Я всё ещё пыталась осознать происходящее, когда он шагнул ближе, наклоняясь к моему уху.

– Я позабочусь о тебе, – его голос был обещанием, сладким и опасным. – И о твоём поместье. Тебе больше не придётся бороться в одиночку.

И я поверила. Потому что хотелось верить. Потому что мне было слишком тяжело нести это бремя в одиночку. Потому что после месяцев борьбы и отчаяния его слова стали спасительным обещанием, которое я так отчаянно ждала.

Путь во дворец длился всего несколько недель, но всё это время я не могла отделаться от чувства, что всё происходящее — странный, головокружительный сон. Я ехала верхом рядом с Сэйвером, который отказался сократить путь в полете ради меня. Нас окружали его стражники, и я чувствовала, как на плечи ложится груз будущего, о котором я не просила. Я потеряла дом, потеряла семью, но приобрела что-то более... У меня не находилось слов, чтобы описать это.

Сэйвер был идеален. Обходительный, заботливый, внимательный. Он всегда следил, чтобы мне было комфортно в дороге, сам подавал мне руку, когда я спешивалась, и накрывал плечи плащом, если поднимался холодный ветер. В его глазах не было ни тени раздражения, только спокойная уверенность, словно я действительно принадлежала ему. Он спрашивал, не устала ли я, предлагал передышку, а когда мы останавливались на ночлег, лично проверял, чтобы в моём шатре было тепло. Каждое его действие говорило: "Ты под моей защитой."

Но, несмотря на его заботу, страх меня не покидал. Впереди меня ждал новый мир, к которому я не была готова.

Когда мы прибыли во дворец, меня встретили с императорским размахом. Залы сияли роскошью, в воздухе витал аромат благовоний, сотни придворных глаз впились в меня, изучая, оценивая. Кто-то смотрел с завистью, кто-то с восхищением. Для них я была не падшей дочерью предателя, а будущей принцессой, истинной парой наследного дракона. Даже сам император — высокий, величественный мужчина с ледяным взглядом, от которого у меня холодело

внутри, — благословил наш союз. Его слова были скупыми, но весомыми: он надеялся, что я вскоре принесу Империи наследников.

А затем началась подготовка к свадьбе. Это был вихрь событий, из которого я почти ничего не помнила. Наряды, украшения, придворные дамы, расшитые золотом ткани, запах цветов и специй. Меня окружили десятки людей, словно я была важным экспонатом, который готовили к показу. Я чувствовала себя куклой, которую наряжают, чтобы поставить на пьедестал. Но каждый раз, когда я ловила взгляд Сэйвера, внутри всё затихало. Он был рядом. И он выбрал меня. Предначертан мне самой судьбой...

Сам день свадьбы был сказкой. Меня одели в платье, белоснежное, словно облако, усыпанное драгоценными камнями, что сверкали при каждом движении. Волосы заплели в сложную причёску, а на лоб водрузили тонкую диадему — символ того, что я теперь часть императорской семьи.

Когда я вошла в зал, наполненный сотнями гостей, музыка смолкла. Все смотрели на меня. А в конце прохода стоял он. Сэйвер. В белом парадном камзоле, с золотыми узорами, подчёркивающими его царственную осанку. Он смотрел на меня, и его взгляд был твёрдым, уверенным.

Мы дали клятвы. Он взял меня за руки, его пальцы были тёплыми и крепкими. Мы обменялись кольцами, и в этот момент моя судьба окончательно скрепилась с его.

А потом наступила наша первая брачная ночь.

Мы остались вдвоём в покоях, усталые, но счастливые. Сердце всё ещё бешено колотилось от пережитого дня, от сотен глаз, следивших за каждым моим движением. Меня охватывала эйфория, но в то же время лёгкая дрожь от волнения не давала до конца расслабиться. Я всё ещё не верила, что это произошло, что теперь я его жена.

Волнение смешивалось с трепетом, с предвкушением неизведанного, а рядом со мной был он — человек, которому я принадлежала по праву судьбы. Я чувствовала лёгкое головокружение от вина, от музыки, от всей этой невообразимой церемонии. Сэйвер осторожно снял с меня диадему, провёл пальцами по моим волосам, затем наклонился и коснулся губами моего лба.

— Теперь ты официально моя, — прошептал он, голос был низким и завораживающим.

Я слабо кивнула. Он был нежен, внимателен, каждое его прикосновение разжигало внутри огонь, от которого не хотелось спасаться. Тонула в его руках, в этом новом чувстве, которое захлёстывало меня волной. Он смотрел на меня так, будто я была для него единственной женщиной в мире.

После самой своей восхитительной и первой ночи, я уснула в его руках, счастливая и уверенная в завтрашнем дне.

Но среди ночи я проснулась. Ложе было холодным. Я потянулась к Сэйверу, но его не оказалось рядом. Сердце сжалось в тревоге. Всё ещё одурманенная сном, я села на постели и огляделась. Тишина. Но что-то было не так. Страх сжал грудь. Что-то внутри меня твердило — иди, найди его.

Я встала, накинула лёгкий халат и босиком вышла из покоев. Дворец был огромен, коридоры тянулись бесконечными мраморными лабиринтами. Но я словно знала, куда идти.

Чем ближе подходила, тем громче становились звуки. Приглушённые голоса. Тихие стоны.

Я остановилась у одной из дверей. Сердце бешено колотилось. Я не хотела этого видеть. Не хотела знать. Но толкнула дверь.

И мир рухнул.

На шелковых простынях, под мягким светом свечей, мой муж, мой Сэйвер, был с другой женщиной. Они не заметили меня сразу. Я стояла в тени, слишком потрясённая, слишком раздавленная, чтобы издать хоть звук.

Но затем она рассмеялась. Звонко, довольно, с откровенной насмешкой, как будто знала, что я здесь. Этот смех, наполненный торжеством и притворной невинностью, был вызовом, признанием победы. Её глаза встретились с моими на мгновение, в них не было ни тени смущения — только откровенное удовлетворение от увиденного. И Сэйвер, не глядя в мою сторону, произнёс что-то тихое, интимное, что-то, чего я не должна была слышать.

В этот момент что-то во мне сломалось. Я больше не могла дышать. Больше не могла стоять. Развернулась и побежала прочь, не видя дороги сквозь слёзы, не чувствуя, как босые ноги скользят по холодному мрамору.

Счастливая сказка закончилась в ту же ночь, когда началась.

Глава 6

Я бежала, пока ноги не ослабли, а слёзы не высохли, оставив на щеках солёные следы, будто раны. Ночь обволокла меня — густая, липкая, пропитанная сыростью и предательством. Я не видела ничего, кроме теней, цепляющихся за подол ночного платья, не знала, куда иду. Упала прямо посреди сада, среди роз, чьи шипы впились в ладони, но эта боль была мелочью рядом с той, что разрывала грудь. Хотелось кричать, но голос утонул в её смехе, что звенел в ушах, в его шёпоте, обращённом не ко мне.

Как он мог? Мой Сэйвер, мой дракон, мой муж. Тот, кто клялся защищать меня, чьи руки ещё вчера были тёплыми, а взгляд — нежным. Всё, что он говорил, всё, что делал, рассыпалось, как старые письма моих родителей, которых здесь называли предателями. Я знала, что они не виновны, но в этом дворце правда была опасным грузом, который я не могла озвучить. Свернулась в комочек, дрожа от холода и горя, и ждала, пока тьма заберёт меня.

Утро пришло серое, тяжёлое, как мои мысли. Я поднялась, цепляясь за ветки, и побрела обратно в покои. Меня никто не искал. Ноги были босыми, исцарапанными, ночное платье пропиталось грязью, но мне было всё равно. Я не хотела видеть своего мужа, но куда мне было идти? Этот дворец — его мир, а я — лишь тень, дочь казненных, возвышенная меткой истинной пары.

Сейвер ждал меня в покоях, стоя у окна с кубком вина в руках. Белый камзол, растрёпанные темные волосы — будто ничего не случилось. Его взгляд скользнул по мне, от всклокоченных прядей до грязных ног, и на миг дрогнул, но тут же стал уверенным.

– Айрис, – голос был мягким, почти ласковым. – Где ты была? Я проснулся, а тебя нет.

Я замерла. Он говорил так, будто это была обычная ночь. Будто я не видела его с ней. Грудь сжалась от боли, но слова застряли в горле.

Сейвер шагнул ко мне, нахмурился, коснулся моей щеки. Я отпрянула, чувствуя холод, хотя его пальцы были тёплыми.

– Что с тобой? – спросил он, прищурившись. – Ты выглядишь так, будто бродила по трущобам.

– Я видела, – выдавила, голос дрожал, но я заставила себя посмотреть ему в глаза. – Тебя. С ней.

Его лицо дрогнуло. В золотых глазах мелькнула тень, но тут же исчезла, сменившись холодной твёрдостью.

– Айрис, – начал он, опуская руку. – Ты неправильно поняла. Это ничего не значит. Она — просто фаворитка. Ты моя истинная, моя жена.

Слова резали, как осколки. Просто фаворитка? Я задыхнулась от этой лжи, от его спокойствия.

– Ты клялся, – прошептала я, чувствуя слёзы. – Перед всеми. Передо мной.

Он вздохнул, будто я была ребёнком, взял меня за плечи.

– Я клялся защищать тебя. И я сдержу свое слово. Она — пустое место. Ты моя пара, Айрис. Только ты можешь дать мне наследника.

Его голос стал мягким, обволакивающим. Муж смотрел на меня, и в его взгляде было что-то завораживающее. Я хотела оттолкнуть его, но тело замерло. Всем известно, что драконы рожают детей только от истинных. Это делало меня нужной. Но от этого было больнее.

– Прости, – добавил он тише, наклоняясь. – Я совершил огромную ошибку. Этого больше не повторится.

Его губы коснулись моего лба, и внутри что-то дрогнуло — усталость, желание поверить. Он обнял меня, и я уткнулась в его грудь, вдыхая запах дыма и пряностей. Хотелось забыться.

В тот день он осыпал меня дарами. Служанки принесли платье — алое, с золотой вышивкой, — и суетились вокруг, поправляя подол. Их улыбки были натянутыми, голоса — вежливыми, но пустыми.

«Вам идёт, госпожа», — сказала одна, с тонкими руками, но её глаза скользили мимо. Они знали, кто я — дочь изменников, — но статус супруги принца заставлял их кланяться и лицемерить.

Сэйвер подарил мне серьги с рубинами и браслет, сам застегнул его на моём запястье, улыбаясь той тёплой улыбкой, что когда-то зажгла во мне надежду.

— Ты моя принцесса, — шептал он, целуя мои пальцы. — Забудь всё, что было до этого. Я сделаю тебя счастливой.

Я поверила. Потому что он был единственным, что у меня осталось. Потому что здесь, среди фальшивых улыбок и шёпота, Сейвер был единственным, кто был на моей стороне.

Но он редко бывал рядом. Наследный принц был занят — совещания, выезды, дела Империи. Я оставалась одна в огромных покоях, окружённая служанками, чьи взгляды были холодными под маской учтивости. Дворяне кланялись мне, говорили сладкие слова, но за их спинами я слышала шёпот: «дочь предателей», «метка её спасла». Они не презирали открыто — мой статус защищал меня, — но их лицемерие было пылью в глаза.

Я же день за днем разрывалась от мыслей — где он? С ней ли? Или правда занят? Я не знала, и это грызло меня.

Жить в замке было невыносимо. Залы сияли роскошью, но стены давили, шептались о моём прошлом. Я тосковала по поместью — его скрипучим полам, запаху цветущей вишни. Однажды я спросила Сэйвера, когда он зашёл после долгого отсутствия.

— Что с моим домом? — голос дрожал, но я держалась. — Ты обещал позаботиться о нем.

Он странно улыбнулся — устало, с лёгкой насмешкой — и махнул рукой.

— Всё под контролем, Айрис. Не переживай. Он в полном порядке.

Его тон был уверенным, но взгляд ускользнул к окну. Я хотела спросить ещё, но он ушёл, бросив: «Дела зовут».

Прошёл месяц, прежде чем он пришёл ко мне ночью. Я сидела у камина, глядя на тлеющие угли, когда дверь открылась. Он вошёл, усталый, с тенями под глазами, но с той же твёрдой уверенностью. Метка на плече вспыхнула жаром, и я подняла взгляд. Он сел рядом, молча взял мою руку, провёл пальцами по коже.

— Я скучал, — сказал он тихо, и в его голосе была искренность, которой я так ждала. — Прости, что редко бываю с тобой. Дела Империи... ты же понимаешь.

Кивнула, хотя внутри всё сжималось. Он наклонился, коснулся моих губ, и я поддалась. Его руки были тёплыми, движения — медленными, почти трепетными. Он шептал, как я важна, как он хочет меня. Я доверилась ему, подпустила ближе, растворяясь в этом мгновении. Он не спешил, смотрел на меня так, будто я была единственной в его мире. Мы лежали вместе, и он не ушёл — уснул рядом, обнимая меня. Смотрела на его лицо, чувствуя, как тепло метки убаюкивает меня, и думала, что, может быть, он действительно изменился.

Утро было тихим. Сейвер проснулся первым, коснулся моих волос, улыбнулся.

— Отдохни, — шепнул он, целуя меня на прощание. — Увидимся вечером.

Я осталась одна, всё ещё ощущая его тепло, и впервые за недели поверила, что это не сон. Но днём всё рухнуло. Служанка — та, с тонкими руками — принесла мне чай. Её губы дрогнули в странной улыбке, когда она сказала:

— Госпожа, вам стоит беречь силы. Принц вчера был в хорошем настроении после ужина с одной из фавориток. Говорят, она пела для него до полуночи.

Она замолчала, опустив взгляд, но я всё поняла. Сердце сжалось, как от удара. Сейвер не ушёл к ней ночью — он был с ней до меня. Ужин, её голос, её смех — я видела это в воображении так ясно, будто сама стояла там.

Служанка ушла, оставив меня с чашкой, что дрожала в моих руках. Чай остыл, а я сидела, глядя в пустоту, чувствуя, как боль возвращается, острая и знакомая.

Вечером он пришёл, как обещал, с подарком — кольцом с сапфиром, цветом как мои глаза.

– Прости, что утром ушёл рано, – сказал он, улыбаясь. – Это для тебя. Ты моя истинная, Айрис.

Я взяла кольцо, но внутри всё горело. Он предал меня снова, и я узнала об этом не от него, а от болтливой служанки.

Улыбнулась ему — фальшиво, как дворяне мне, — и кивнула. Но в тот момент что-то во мне треснуло. Этот цикл — доверие, предательство, подарки — стал моей клеткой. Я ненавидела себя за то, что всё ещё любила его, и его — за то, что он делал это, зная, что я его единственная надежда на наследника.

Месяцы текли медленно, как смола, обволакивая меня своей тяжестью. Так минул год. Я научилась улыбаться дворянам, кивать их сладким словам, но каждый поклон, каждый шёпот за спиной напоминал мне, кто я. Сэйвер приходил и уходил, то с подарками, то с усталым взглядом, и я цеплялась за его слова, за его тепло, как за спасение. Но внутри росла трещина, которую я не могла заделать.

Всё началось в один из вечеров, когда он вернулся позже обычного. Я ждала его в покоях, теребя край нового платья — синего, как ночное небо, что он подарил мне накануне. Огонь в камине почти угас, и я сидела в полумраке, чувствуя, как тоска по родителям и старой жизни сжимает грудь. Когда дверь открылась, я подняла взгляд, надеясь увидеть его улыбку, но он вошёл с хмурым лицом, бросив плащ на кресло.

– Ты поздно, – сказала я тихо, стараясь скрыть дрожь в голосе. – Где был?

Он замер, обернулся ко мне. В его золотых глазах мелькнула искра раздражения.

– Дела Империи, Айрис, – отрезал он, будто это всё объясняло. – Не начинай.

Но я не могла остановиться. Слова служанки о той фаворитке всё ещё жгли меня, и я шагнула к нему, чувствуя, как внутри закипает что-то горячее, опасное.

– Это опять она? – спросила я, голос дрогнул. – Ты был с ней, да? После ужина, как обычно?

Его лицо исказилось. Он выпрямился, став выше, холоднее, и я вдруг почувствовала себя маленькой, уязвимой.

– Хватит, Айрис, – прорычал он, шагнув ко мне. – Ты моя жена, а не стражник, чтобы следить за каждым моим шагом. Я наследный принц, а не твой слуга. Знай своё место.

Его слова ударили, как хлыст. Я задохнулась, отступив назад, но он не остановился. Взял меня за плечи, сжал, не больно, но твёрдо, и его взгляд впился в мой.

– Ты думаешь, я не вижу твоих подозрений? Твоих взглядов? Я устал от этого. Ты моя истинная, и этого достаточно. Перестань копать в том, что тебя не касается.

Я хотела кричать, сказать, что он разрывает меня своими изменами, но его тон, его сила пригвоздили меня к месту. Грудь сжалась, слёзы подступили, но я сжала зубы. Он отпустил меня, вздохнул, и вдруг его лицо смягчилось. Шагнул ближе, коснулся моей щеки, уже нежно.

– Прости, – сказал он тихо, голос стал тёплым, как угли в камине. – Я сорвался. Ты мне дорога, Айрис. Больше, чем ты думаешь.

Он притянул меня к себе, и я уткнулась в его грудь, чувствуя, как метка на плече отзывается жаром. Его руки гладили мои волосы, и он шептал:

– Я люблю тебя. Ты моя судьба. Никто не заменит тебя.

Я сделала вид, что поверила. Потому что его тепло было единственным, что заглушало тоску по родителям, по поместью, по жизни, которой у меня больше не было. Мне было больше некуда идти.

Он поцеловал меня, страстно, с той искрой, что всегда сбивала меня с ног, и я растаяла в его объятиях, цепляясь за эту любовь, как за спасение.

После той ссоры всё стало налаживаться. Сэйвер стал внимательнее — реже пропадал, чаще брал меня с собой на прогулки по дворцовым садам. Он поддерживал меня, когда я совершала ошибки в этом мире роскоши и правил. Меня учили этикету — старая леди Маргит, с острым языком и стальными глазами, часами заставляла меня повторять реверансы, держать осанку, запоминать имена и титулы.

«Вы теперь часть Империи, госпожа», – говорила она, но её взгляд был холодным, будто она видела во мне лишь тень прошлого.

Служанки — та, с тонкими руками, которую звали Лина, и другие — помогали мне с платьями, причёсками, но их улыбки оставались натянутыми, а шёпот за дверями — ядовитым.

Я привыкала. Училась молчать, когда нужно, прятать тоску за улыбками, находить утешение во внимании Сэйвера. Он был занят, но возвращался ко мне, иногда страстно обнимая, шепча, что я его опора. Я начала верить, что если подарю ему сына — наследника, которого ждёт вся Империя, — он будет любить только меня. Фаворитки исчезнут, их смех затихнет, и он увидит во мне не просто истинную, а женщину, с которой он разделит будущее. Эта мысль стала моей надеждой, моим светом.

Но зачать не получалось. Время шло, а моё тело оставалось пустым. Каждый раз, когда надежда гасла, я чувствовала, как внутри что-то ломается. Сэйвер замечал мои слёзы, садился рядом, брал за руку.

– Нужно время, Айрис, – говорил он мягко. – Мы ещё молоды. У нас будет сын, я знаю.

Он обнимал меня, иногда страстно успокаивал, и я цеплялась за его слова, за его тепло. Это было тяжело, но терпимо — он был рядом, и я могла дышать.

Пока не появилась она.

Её звали Варина. Я услышала это имя впервые на одном из приёмов, когда дворяне собрались в большом зале. Она вошла, высокая, с волосами цвета вороного крыла и глазами, зелёными, как яд. Её платье — серебристое, струящееся — ловило свет канделябров, и все взгляды повернулись к ней. Дворяне зашептались, их улыбки стали шире, искреннее, чем те, что доставались мне. Леди Маргит, стоявшая рядом, бросила на меня косой взгляд и сказала:

– Леди Варина из северных земель. Говорят, её голос завораживает даже драконов.

Я посмотрела на Сэйвера. Он стоял у трона, беседуя с каким-то лордом, но его взгляд скользнул к ней — коротко, но я заметила. Метка на плече кольнула, и я сжала кулаки под складками платья.

С того дня всё изменилось. Варина стала новой фавориткой Сэйвера — это шептались служанки, это я видела в его отлучках, в его улыбках, которые он прятал, но не до конца. Лина однажды, принося мне утренний чай, сказала с той же натянутой улыбкой:

– Принц вчера задержался в южном крыле. Леди Варина пела для гостей.

Её слова были как нож. Он не приходил ко мне с той ночи, ссылаясь на дела, но я знала. Варина не была просто фавориткой — она была угрозой. Её смех, взгляд и присутствие отравляли воздух. Дворяне кланялись мне, но их глаза следили за ней. Сэйвер поддерживал меня, говорил, что я его судьба, но его страсть угасала, а мои надежды на сына тонули в тоске.

Сидела у окна, глядя на сад, где когда-то бежала от боли, и понимала: я ему больше нужна. И самое ужасное, я не знала, что мне делать дальше. Как снова стать свободной?

Глава 7

Время ускользало, как песок сквозь пальцы, ускользая, пока я теряла его — моего Сэйвера, моего дракона. Он уходил всё чаще, возвращался всё реже, и его золотые глаза, что когда-то горели для меня, теперь смотрели мимо. Варина заполнила его мир — её серебристый смех звенел в коридорах, её тень мелькала в саду, её голос вплетался в каждый шёпот двора. Он был околдован, словно магия её зелёных глаз связала его крепче, чем метка на моём плече. Видела, как мой муж улыбается ей — той тёплой, живой улыбкой, что когда-то принадлежала мне, — и чувствовала, как внутри что-то умирает.

Я стала призраком в этом дворце. Служанки — Лина и другие — всё ещё приносили мне все необходимое, поправляли платья, но их взгляды были пустыми, а голоса — тихими, словно я уже не стоила их слов. Дворяне кланялись, но их лицемерные улыбки становились короче, а шёпот — громче: «Принц забыл её», «Варина — настоящая госпожа». Леди Маргит, обучая меня этикету, однажды бросила с холодной усмешкой: «Держите голову выше, госпожа. Драконы не терпят слабости». Но я видела в её глазах — она не верила, что я останусь здесь надолго.

Сэйвер не приходил. Дни превращались в недели, и я сидела у окна, глядя на сад, где розы давно увяли, как моя надежда. Метка на плече молчала, холодная и мёртвая, словно связь между нами истончилась до нитки. Я тосковала по родителям, по поместью, но больше всего — по нему, по тому, кем он был до неё. Шептала себе, что сын — мой сын — вернёт его ко мне, но даже эта мечта казалась далёкой.

Всё изменилось, когда пришёл приказ. Слуга в чёрно-золотом камзоле явился утром, поклонился низко и произнёс:

– Его Величество требует вашего присутствия. И принца.

Сердце сжалось. Я знала, что Император давно нами недоволен — его ледяной взгляд на приёмах говорил больше, чем слова. Но теперь он решил вмешаться.

Мы стояли перед ним в тронном зале — огромном, с колоннами, что уходили ввысь, как кости древних драконов. Император восседал на троне, вырезанном из чёрного камня, его черные волосы сияли, как обсидиан, а глаза — золотые, как у Сэйвера, но холоднее льда — впились в нас. Воздух дрожал от его магии, тяжёлый, будто перед грозой. Сэйвер стоял рядом со мной, напряжённый, с сжатыми кулаками, но молчал.

– Вы разочаровываете меня, – голос Императора был низким, гулким, как рык дракона. – Года идут, а наследника нет. Сэйвер, ты забыл свой долг? Или твоя истинная — лишь для украшения?

Я опустила взгляд, чувствуя, как щеки вспыхивают от стыда. Сэйвер шагнул вперёд, но Император поднял руку, и воздух сгустился, заставив его замереть.

– Хватит, – отрезал он. – Я не потерплю этого дальше. Либо вы дадите мне внука, либо право на трон перейдёт к другому. И не думай, сын мой, что это пустая угроза.

Сэйвер сжал зубы так, что я услышала скрип. Его глаза вспыхнули, как пламя, но он промолчал. Я не поняла, о ком речь — кто этот «другой»? — но видела, как тень ненависти исказила лицо моего мужа. Он знал. А я — нет. При дворе не говорили о других наследниках, и я вдруг осознала, как мало знаю о его семье, о драконах, чья кровь текла в их жилах.

Император перевёл взгляд на меня, и я задрожала под его тяжестью.

– Айрис, – голос Императора смягчился, но остался острым, как клинок. – Ты его истинная. Докажи, что достойна этого.

Зал затих. Чувствовала запах благовоний, слышала шорох крыльев где-то в тених — драконья магия витала вокруг. Сэйвер кивнул, коротко, резко, и мы вышли молча, но я знала: это был приговор.

Той ночью он пришёл ко мне. Дверь открылась с тихим скрипом, и я увидела его силуэт в свете свечей. Мой муж выглядел так, будто сдерживал бурю — золотые глаза потемнели, губы сжались в линию. Я сидела на краю кровати, в простой сорочке, и сердце колотилось от страха и нежелания. Мне не хотелось, чтобы это происходило сейчас. Вот так, после появления в его жизни Варины и его холодности. Но выбора не было. Император четко дал понять, что иного исхода не потерпит.

– Айрис, – произнёс он, и в его голосе было отвращение, едва скрытое. – Мы должны.

Он шагнул ко мне, и я сжалась, но кивнула. Это было быстро, холодно, без слов. Его руки были твёрдыми, движения — резкими, словно Сейвер выполнял долг, а не любил меня. Метка горела, но не от страсти — от напряжения, от боли. Когда всё закончилось, он встал, накинул камзол и бросил, не глядя:

– Отдыхай. Это всё, что от тебя нужно.

Дверь хлопнула, и я осталась одна, свернувшись под одеялом, чувствуя себя пустой, униженной. Слезы жгли глаза, но я не дала им вырваться. Он ушёл, оставив меня, как вещь, что выполнила свою роль.

Через неделю всё изменилось. Я почувствовала слабость, тошноту, и Лина, заметив мой бледный вид, позвала лекаря. Старый мужчина с седыми волосами и руками, пахнущими травами, осмотрел меня и улыбнулся:

– Вы ждёте дитя, госпожа.

Слова ударили, как гром. Я наконец-то забеременела.

Дворец ожил — служанки засуетились, принося мне тёплые накидки, сладости, отвары. Леди Маргит пришла с редкой улыбкой: «Империя ждёт наследника». Дворяне, что шептались за моей спиной, теперь кланялись ниже, их голоса стали слаще. Даже Император прислал мне подарок — тонкую диадему с сапфирами, символ благословения.

А Сэйвер... он тоже изменился. Пришёл ко мне однажды вечером, впервые за недели, сел рядом, взял мою руку. Его взгляд смягчился, и он сказал:

– Ты сделала это, Айрис. Наш ребёнок... он всё исправит.

Муж обнял меня, и я почувствовала тепло, которого так давно не было. Мы стали ближе — он приходил чаще, говорил о будущем, о том, каким отцом будет. Я видела в нём заботу, страсть, что вспыхивала, когда он касался меня, и думала: он будет хорошим отцом. Всяко лучше, чем мужем. Варина исчезла из его слов и взглядов, хотя я знала — она всё ещё здесь, в южном крыле, как тень, что ждёт своего часа. Он не отсылал её, и это кололо меня, но я гнала эти мысли прочь. У меня был ребёнок — его ребёнок, — и это было важнее.

Лежала ночами, глядя живот, шепча себе, что сын свяжет нас навсегда. Метка на плече пульсировала в такт его маленькому сердцу, и я верила, что Сэйвер забудет всех других. Но где-то в глубине, под этим теплом, оставалась тревога — тонкая, как паутина, что дрожит на ветру.

Месяц прошёл, как сон — тёплый, хрупкий, полный надежды. И я уже почти начала верить, что жизнь налаживается...

Но всё рухнуло в один день.

Дверь в мои покои открылась без стука, и я вздрогнула, подняв взгляд от книги. На пороге стояла Варина — высокая, с волосами, как ночь, и зелёными глазами, что сияли, как яд. Её серебристое платье струилось, словно жидкий металл, а улыбка была острой, как лезвие. Я напряглась, сжав пальцы на подлокотнике кресла.

– Айрис, – пропела она, входя с грацией хищницы. – Решила навестить будущую мать. Как мило, что ты наконец-то заняла своё место.

Её голос был сладким, но под ним звенела насмешка. Я выпрямилась, стараясь не показать страха.

– Чего ты хочешь? – спросила, голос дрогнул, но я держала взгляд.

Она рассмеялась — тихо, мелодично, но от этого звука у меня похолодело внутри. Подошла ближе, скрестив руки на груди.

– Хочу официально признать свое поражение и отдать тебе Сэйвера, – сказала она, прищурившись. – Он мне больше не нужен. Я наигралась. Поздравляю с беременностью, дорогая. Ты победила.

Замерла, не веря её словам. Это была ложь — я видела это в её глазах, в изгибе её губ. Но она шагнула к столу, вынула из складок платья маленький свёрток и положила его передо мной.

– Подарок, – пояснила Варина. – Чайные листья с моей родины. У нас их пьют женщины, носящие детей под сердцем. Они придают сил. Прими, это знак моего... уважения.

Её улыбка стала шире, и я почувствовала, как по спине пробежал холод. Она повернулась к Лине, что стояла у двери, и кивнула.

– Завари их для своей госпожи. Сейчас же.

Лина поколебалась, взглянув на меня, но под взглядом Варины покорно взяла свёрток и вышла. Я смотрела вслед служанке, чувствуя, как тревога сжимает грудь. Варина же села напротив, её движения были плавными, уверенными.

– Ты ведь не откажешься? – спросила она, наклонив голову. – Это было бы невежливо.

Лина вернулась с дымящейся чашкой, поставила её передо мной. Запах был странным — терпким, с ноткой чего-то горького. Я не хотела пить, но Варина взяла вторую чашку, что Лина заварила для неё, и отпила, глядя мне в глаза.

– Видишь? Ничего страшного, – сказала она, улыбнувшись. – Просто чай.

Я поднесла чашку к губам, чувствуя, как дрожат руки. Отказываться сейчас — все равно, что делать шаг в пропасть. Мне ни к чему было наживать еще врагов во дворце. Ведь кто знает, какую партию жаждет разыграть эта коварная женщина, захватившая внимание моего супруга в прошлом. Я не таила на нее обиды как таковой, но все же... Мне было больно даже от одного ее существования.

Варина сделала ещё глоток чая, и я, подавив сомнения, сделала то же самое. Возможно, если сделаю то, что она хочет, то это ускорит ее уход из моих покоев.

Вкус был резким, обжигающим, но я проглотила, надеясь, что это действительно просто чай. Варина допила свою чашку, встала, поправив платье.

– Расти большой и сильной, Айрис, – бросила она напоследок, обернувшись у двери. – И береги своего дракона. Он такой... непостоянный.

Её слова повисли в воздухе, как яд, и она ушла, оставив за собой шлейф насмешки. Я сидела, глядя на пустую чашку, чувствуя, как тревога грызёт меня, но ничего не произошло. День прошёл спокойно, и я решила, что это была просто её игра.

Однако уже ночью проснулась от боли. Она пришла внезапно, как удар когтей, разрывая живот. Я закричала, сжав простыни, и почувствовала, как что-то горячее, липкое течёт по ногам. Кровь. Много крови.

Дверь распахнулась, Лина вбежала, побледнев, позвала лекарей. Тот же самый старик, что констатировал мою беременность, вдруг потемнел лицом.

– Ваш ребёнок мёртв, госпожа, – сказал он глухо, опустив взгляд. – Мы ничего не можем сделать.

Мир рухнул. Я лежала, задыхаясь от слёз, чувствуя, как пустота пожирает меня. Кровь всё ещё текла, пачкая простыни, а лекари суетились, но я их не слышала. Мой сын — моя надежда — ушёл, не успев родиться.

Утром пришёл Сэйвер. Дверь распахнулась с грохотом, и он ворвался, как буря. Его глаза пылали, как расплавленное золото, а лицо искажала ярость. Воздух вокруг дрожал от его магии, и я сжалась, видя, как его пальцы сжимаются в кулаки.

– Ты отвратительна! – прорычал он, голос срывался на звериный рык. – Жалкая предательница! Ты уничтожила моего ребёнка!

Я захрипела, пытаюсь подняться, но тело не слушалось. Слёзы текли по щекам, но я выдавила:

– Нет... я не...

Он шагнул ко мне, и его тень накрыла меня, как крылья дракона.

– Не смей оправдываться, лживая детоубийца! – рявкнул он. – Лина сказала, что ты сама попросила отвар. Сама заварила его. Сама выпила!

Я замерла, глядя на Лину, что стояла в углу, опустив голову. Её тонкие руки дрожали, но она молчала. Она не сказала ему о Варине, о чае, о подарке. Она солгала. Почему?

– Это не я... – прошептала, но голос утонул в его гневе.

– Ты омерзительна, – бросил он, отступая. – Ты недостойна быть моей женой.

Он развернулся и ушёл, оставив меня в крови и боли. Лекарши ушли следом, Лина исчезла, и я осталась одна, задыхаясь от рыданий. Но я не дала им вырваться — сжала зубы, цепляясь за остатки гордости. Они не заслужили моих слёз.

Дни слились в серую мглу. Меня держали в покоях, пока тело восстанавливалось, но дворец молчал обо мне. Сэйвер не приходил. Император не звал.

А потом пришёл день, когда всё закончилось, и я стала свободной... Но какой ценой?

Глава 8

Настоящее

Утро встретило меня холодом, что пробирался под кожу, несмотря на тлеющий камин. Я сидела на краю кровати, сжимая в руках грубую ткань одеяла, и смотрела в пустоту. Тишина давила, но внутри меня шумело — мысли, воспоминания, страх и надежда сплетались в тугой комок, что застрял в груди. Эдвина ушла вчера, оставив меня с правдой, которую я всё ещё не могла уложить в голове.

Мой ребёнок жив. После всего — крови, боли, обвинений — он всё ещё был со мной. Но почему? И как?

Я встала, чувствуя, как ноют ноги от вчерашней работы в саду. Половицы скрипели под босыми ступнями. Подошла к окну, где за мутным стеклом виднелся вишнёвый сад — мой сад, мой последний оплот. Росток, что я заметила вчера, всё ещё был там, зелёный, упрямый, пробивающийся сквозь сухую кору. Эдвина сказала, что это не просто деревья. Что теперь они — часть меня, моей крови и силы.

Но я не чувствовала себя сильной. Скорее — раздавленной, сломанной, как эти ветки, что обрезала день за днём.

Почему я выпила тот чай? Этот вопрос грыз меня, как крыса, что прячется в сарае.

Я вспоминала тот день — Варину, её ядовитую улыбку, голос, что лился, как мёд, скрывающий смертельную угрозу. Она пришла ко мне, сияющая, уверенная, и я, дура, поверила ей.

Не сразу, нет. Я не была настолько наивной. Когда она протянула мне свёрток с чайными листьями, я смотрела на него, как на змею, что вот-вот укусит. Но она выпила первой — отпила из своей чашки, глядя мне в глаза, и я подумала: «Если она пьёт, значит, это безопасно».

Хотела доказать себе, что не боюсь её. Что я выше её игр. И ещё... я устала. Устала от подозрений, от одиночества, от того, что каждый мой шаг в том дворце был битвой. Слишком уж я была далека от подобных дворцовых интриг, родители воспитывали меня иначе. Даже в самом страшном сне, мне не представлялось, что люди могут быть такими подлыми. Я просто хотела хоть раз поверить, что кто-то желает мне добра. Даже если это была она.

Глупость. Горькая, непростительная глупость. Я проглотила тот чай, чувствуя, как он обжигает горло, и не знала, что он почти забрал у меня всё.

Но он не забрал. Ребёнок выжил. Как? Эдвина говорила о вишнях, о магии, что дремала во мне с детства, когда я ела их плоды, бегала среди деревьев, смеялась под ветвями, что мать так любила. Может, это правда. Может, сад спас меня тогда, когда я даже не подозревала. Но от этой мысли не становилось легче — она жгла, как угли, что тлели в камине.

Теперь я была почти уверена, что смерть моих родителей не была случайной. Они всегда оберегали сад, говорили о нём, как о сокровище... И это наталкивало на определенные мысли.

Что если именно из-за этого они и пострадали? Магия давно считалась пережитком, опасной силой, от которой старались избавиться. Если мой сад хранил её... мог ли он стать причиной их измены короне и последующей казни? Но тогда почему сад все еще на месте, а мои мама и папа...

Сердце сжалось от новой боли, но я твёрдо решила — я не допущу, чтобы это повторилось.

Положила руку на живот, чувствуя слабую тяжесть. Он там. Мой сын. Или дочь. Я не знала, но это было не важно. Важно, что он жив, что я не потеряла его, как потеряла всё остальное — дом, семью, любовь.

Слёзы подступили, горячие, непрощенные, и я смахнула их тыльной стороной ладони, оставив грязный след на щеке. Я не могла плакать. Не сейчас. Но внутри всё кричало — от

радости, от страха, от ненависти к себе за то, что доверилась Варине, и к Сэйверу за то, что он поверил ей, а не мне. Я любила его. Пусть сломанной и неправильной любовью, что это сломало меня. А теперь? Теперь я не знала, что чувствую. Только пустоту, что заполнялась этим крошечным, невозможным чудом внутри меня.

Стук копыт вырвал меня из мыслей. Я выглянула в окно — Гаррет приехал с провиантом, как всегда с рассветом. За ним рабочие шли — Томас, седой и молчаливый, Дэн, угрюмый и высокий, Лука, молодой и улыбающийся, и ещё двое, чьи лица уже стали привычными. Они тащили доски, молотки, мешки с зерном, что Гаррет где-то раздобыл.

Я натянула старую шаль, грубую и колючую, и вышла во двор. Холодный ветер ударил в лицо, но я направилась в сад, сжимая в руках секатор. Нужно было работать. Жить дальше.

Лука заметил меня первым и подбежал, сияя своей неизменной улыбкой.

— Доброе утро, госпожа Айрис! — крикнул он. — Сегодня конюшню чиним, почти закончили крышу. Скоро там можно будет лошадей держать!

— Хорошо, Лука, — ответила я, чувствуя слабое тепло от его слов. — Спасибо.

Он поклонился и побежал к остальным, а я направилась в сад. Томас уже был там, копаясь на земле с грубой тканью в руках. Он поднял взгляд, заметив меня.

— Хотите научиться прививать деревья, госпожа? — спросил он, голос низкий и спокойный. — Это не сложно. Думаю, у нас получится.

Я решительно кивнула, и он показал мне, как разрезать побег, как обматывать его тканью, чтобы он прижился. Мои пальцы, холодные и неуклюжие, дрожали, но я старалась. Томас внимательно, а затем смотрел на одобрительную обстановку.

— Из вас получится отменный садовник, госпожа, — сказал он с легкой улыбкой. — У вас легкая рука, деревья это чувствуют.

— Спасибо, Томас, — ответила я, и его похвала на миг заглушила тоску в груди.

Я продолжала работать, обрезаю сухие ветки, пока солнце не поднялось выше. Тело ныло, но я не останавливалась. Сад был моим спасением — для меня, для ребенка.

Гаррет подошел ближе к полудню, неся корзину с хлебом и рыбой.

— Ты бледная, девочка, — сказал он, нахмурившись. — Опять полночи не спала?

Я пожалала плечами, не зная, как ответить. Он не стал давить, просто кивнул на корзину, которую протянул мне.

— Ешь. И не спорь. Тебе силы нужны. И твоему дитя.

Я взяла кусок хлеба, отломив краюху. Она была жесткой, сухой, но я проглотила её, чувствуя, как желудок сжимается от голода. Гаррет сел напротив, сложив руки на столе.

— Ты веришь, что Эдвина сказала правду? — выдохнула я, и голос дрогнул.

Гаррет медленно кивнул.

— Твоя мать всегда с трепетом отзывалась и заботилась об этом саде, — пробормотал он. — Может, сад действительно хранит что-то важное. Что-то, что действительно способно сотворить чудо.

— Но? — я заметила в его глазах тревогу и сама насторожилась.

— Теперь нам нужно быть осторожными. Когда восстановим поместье и вернем твоему дому прежнее величие... — он поднял голову, чуть прищурившись от солнечных лучей, пробирающихся сквозь ветви вишни. — На свете слишком много стервятников, которые будут только рады урвать кусок столь ценной земли. Об этом никто не должен знать, Айрис. О свойствах этого сада. Иначе мы все будем в опасности.

— Хорошо, — тяжело сглотнув, произнесла я. — Я поняла. Спасибо... что остаешься рядом.

— Это мой долг, — только и сказал пожилой управляющий.

Вечером я сидела у костра со крестьянами. Они ели лепёшки и рыбу, переговаривались о погоде и урожае. Я смотрела на огонь, и мысли мои становились всё тяжелее. Эти люди

— Гаррет, Томас, Лука, Дэн — работали для меня, не прося ничего взамен. Но так не будет продолжаться вечно.

У меня не было денег и ценных вещей. чтобы наградить их за труд. Зерно, что привозил Гаррет, еда, которую делили со мной крестьяне, — всё это была милость, а не моё право. Я не мог жить в их доброте вечно. Ребёнок растёт, дом нужно чинить, сад — возрождать. А чем я заплачу?

Сжала руки в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь. Продать что-то? Но что? В доме не осталось ничего ценного — всё разграбили после смерти родителей. Сад? Нет, о нем никто не должен знать. По крайней мере, пока я не пойму, что за силу он скрывает в себе.

Может, взять долг в деревне? Но кто даст изгнаннице с выжженной меткой? Или... найти работу? Но какую, если я едва держусь на ногах, съедая от внутреннего беспокойства?

Мысли кружились, как пепел над костром, но ответа не было. Я должна найти способ. Должна платить своим людям. Они заслужили это. И я больше не могла быть обузой.

Огонь трещал, бросая тени на лица крестьян. Гаррет смотрел на меня, читая мои мысли, но молчал. Я знала — он не спросит.

Но также понимала и другое: время милости когда-то закончится. Мне нужно было что-то придумать.

Через несколько недель я проснулась с чётким осознанием того, что дальше так продолжаться не может. Рабочие почти завершили ремонт дома, восстанавливая не только крышу и стены, но и залатав большую часть дыр, через которые раньше гулял ветер. Животик уже заметно округлился, и я старалась скрывать его за широкими платьями и шалью, которую мне подарил Гаррет. Но тревога за будущее не покидала меня.

Нужно было найти способ заработать деньги. Слова Гаррета о том, что сад нужно держать в секрете, не давали мне покоя. Но выбора не оставалось, и я решилась на отчаянный шаг — подала объявление в информационную гильдию, что находилась в соседней деревне, о сдаче части поместья и прилегающих земель в аренду.

Надежды было мало. Кому понадобится такое удалённое и заброшенное место? Но спустя несколько дней случилось невероятное.

Письмо пришло утром. Гаррет передал мне его, явно встревоженный и недовольный.

— Что это? Кто мог тебе написать? — спросил он с подозрением.

Я вскрыла конверт, дрожа от волнения. К письму был приложен небольшой мешочек, который приятно позвякивал.

«Уважаемая леди Айрис, меня заинтересовало ваше предложение об аренде поместья. Надеюсь, приложенная сумма подтвердит серьёзность моих намерений. Скоро прибуду лично, чтобы осмотреть дом и территорию. С уважением, графиня Эстер ди Ротвейл».

Гаррет приподнял бровь.

— Графиня? Впервые о ней слышу.

— Не знаю, — ответила я, ощущая смесь радости и беспокойства. — Но это золото решит часть наших проблем.

Он хмыкнул, но спорить не стал, лишь тяжело вздохнул.

На золото, что прислала таинственная графиня, мы начали готовиться к её приезду, покупая доски, ткани, недостающую мебель и даже небольшие украшения для дома. Я решила, что сама буду жить в пристройке, чтобы следить за садом и сохранять его тайну. Рабочие принялись за дело с ещё большим усердием, и вскоре дом стал выглядеть вполне достойно для аристократического визита.

Спустя несколько дней, когда солнце уже поднялось высоко, у ворот нашего поместья остановилась роскошная карета, запряжённая белоснежными лошадьми. Из кареты вышла молодая девушка, невероятно красивая и явно слишком утончённая для наших простых мест.

В её руках был солнечный зонтик из тонкого кружева, а платье — лёгкое и воздушное — выглядело совершенно неуместно посреди запущенного сада и грубых каменных стен.

За ней тут же выскочили несколько слуг, готовых исполнить любой её каприз. Графиня осмотрелась, её взгляд был цепким и проницательным, и она тут же начала раздавать указания.

– Так, милые мои, слушайте внимательно! – голос ее звенел, высокий и властный. – Здесь мы разобьём шатёр, обязательно из голубого шёлка. Да-да, голубого, он отлично сочетается с местным небом, чтобы я могла с удовольствием пить чай на свежем воздухе. Тут, у стены, будет садик с розами — чайными! Никакими не красными, я их терпеть не могу, вульгарщина! А там, у конюшни, поставлю фонтанчик, маленький, но изящный, с херувимами. И убери эту грязь, я не собираюсь пачкать туфли!

Слуги бросились исполнять, спотыкаясь друг о друга, а я стояла, открыв рот. Лука хмыкнул за моей спиной, Томас кашлянул, пряча улыбку, а Гаррет пробормотал что-то вроде «чтоб мне провалиться». Графиня Эстер ди Ротвейл повернулась ко мне, прищурившись, и вдруг просияла.

– О, вы, должно быть, Айрис! – воскликнула она, хлопнув зонтиком по земле. – Как мило, что вы тут всё так... по-простому устроили! Но не переживайте, я приведу это место в порядок. У вас есть чай? Нет? Ну, ничего, у меня три сорта в сундуке, сейчас заварим!

Глава 9

Я замерла, чувствуя, как меня мгновенно охватывает паника при одном только слове «чай». Воспоминание о Варине, её ядовитой улыбке и чашке, едва не отнявшей у меня ребёнка, накрыло меня с головой.

– Нет! – выпалила я резко и громче, чем хотела, заметив, как лицо графини удивлённо вытягивается. – Простите, просто... я не пью чай. Совсем.

Эстер нахмурилась, удивлённо приподняв тонкие брови. Затем её взгляд смягчился, и в уголках губ появилась понимающая улыбка.

– Ох, вот как? Уже травили? Понимаю-понимаю, – проговорила она, махнув изящной рукой. – И сама терпеть не могу эти напитки. Вечно в них что-то подмешивают. Однажды я застучала горничную с какой-то травой, которую она хотела добавить в мою чашку — оказалось, мята, но я ее все равно прогнала. Мало ли!

Она рассмеялась, звонко и беззаботно, а я стояла, не зная, что сказать. А следом ее взгляд переместился на поместье.

– Ну что ж! Покажете мне мои покои? Надеюсь, там не слишком сыро. Я, конечно, люблю приключения, но не в форме ревматизма, – заявила графиня, поправляя солнечный зонтик и слегка подхватывая подол воздушного платья, направилась в сторону дома.

Я пошла рядом, чувствуя себя неуклюжей и грубой в своей простой одежде рядом с её элегантностью и изяществом. Эстер казалась существом из другого мира, абсолютно неуместным среди моих развалин и только отремонтированных стен. Она осматривала поместье цепким взглядом, словно уже мысленно передвигала стены, меняла мебель и вешала шёлковые шторы.

– Как любопытно, – пробормотала она, остановившись у лестницы на второй этаж и оценивающе коснувшись пальцем перил. – Дерево крепкое, хоть и старое. Я думаю, сюда отлично подойдут бархатные ковры с золотой отделкой. И зеркала, побольше зеркал!

– Да, но... – тихо согласилась я, чувствуя себя слегка неуместной хозяйкой в собственном доме. – Здесь только недавно крышу починили...

– Ерунда, крыша – это самое главное! – заявила Эстер, и её голос звенел лёгкой насмешкой. – Я не такая уж и привередливая, как может показаться. В родительском замке было так сыро, что в моих платьях плесень заводилась. Честное слово!

Я невольно улыбнулась, чувствуя, как напряжение медленно отпускает меня. Эта графиня была странной, но почему-то её энергия и непосредственность постепенно развеивали моё внутреннее напряжение.

Мы прошли в комнату, которую приготовили для неё рабочие, и Эстер удовлетворённо кивнула, хлопнув ладонями.

– Отлично! На удивление мило, учитывая... обстоятельства, – сказала она, отбрасывая зонтик на кровать. – А вы, Айрис, где будете жить?

Я помедлила, прежде чем ответить.

– В пристройке, – проговорила я, чуть нахмурившись. – Мне... так проще следить за садом.

– Сад? – Она заинтересованно повернулась ко мне. – Тот самый вишнёвый? Интересно. А там что, растёт что-то особенное?

– Просто деревья, – ответила я слишком поспешно, и графиня хитро улыбнулась, словно прочитав мои мысли. Я мысленно отругала себя за оплошность.

– Жаль, – протянула она, пожав плечами. – Всегда мечтала увидеть что-то... необыкновенное, – добавила она, подмигнув.

Эстер быстро освоилась в доме, и за несколько дней её присутствие стало привычным. Она была шумной, говорливой, но почему-то это не раздражало, а даже наоборот – отвлекало от моих тяжелых мыслей. Рабочие стали чаще улыбаться, Лука начал откровенно заглядывать на неё, и даже суровый Томас порой едва скрывал улыбку.

Однажды утром, ещё до рассвета, когда я пыталась поспать хотя бы пару часов после беспокойной ночи, дверь в пристройку внезапно распахнулась. Я подскочила, едва успев накинуть поверх ночной рубашки шаль, которая то и дело норовила соскользнуть. Но Эстер уже стояла в дверях, — в розовом пеньюаре, с растрепанными волосами и горящими глазами.

– Айрис, там такой туман! Почему вы ещё спите? – воскликнула она, явно не смущенная моим испугом. – Надо поставить фонари у сада, а то я чуть в канаву не...

Она осеклась, уставившись на мое плечо. Метка — выжженный шрам изгнанницы — выглядывала из-под края шали. Я отвернулась, прикрываясь, ожидая презрения, холодного взгляда истинной дворянки. Но Эстер ахнула и хлопнула в ладоши.

– О боги! – воскликнула она, подскакивая ко мне. – Это же... метка истинной пары? Я слышала об этом, но никогда не видела! Да вы же почти драконья принцесса! Вот это поворот!

Она широко распахнула глаза, будто увидела настоящее сокровище.

– И вы молчали об этом всё это время? Невероятно!

Её реакция настолько сбила меня с толку, что я невольно улыбнулась. Она не осуждала, не отворачивалась, а наоборот — восхищалась, словно это было что-то удивительное и чудесное, а не метка, навсегда лишившая меня всего.

– Расскажите, пожалуйста! – попросила она, садясь рядом со мной. – Я обожаю такие истории. Особенно про любовь и предательства!

Я не хотела, но вдруг почувствовала непреодолимое желание открыть ей душу. Мы сидели, и я говорила — о дворце, о Сэйвере, о Варине, что едва не лишила меня всего. Эстер ахала, качала головой, а когда я закончила, презрительно фыркнула:

– Варина? Ну и имя! Тварина она, а не Варина, – скривив губы, заявила графиня. – У меня в землях таких полдвора — в лицо улыбаются, а в рукаве держат припрятанный кинжал. Но вы, Айрис, их всех обставили, даже не зная правил!

Я слабо засмеялась, и впервые за много месяцев почувствовала облегчение. Эстер была первой, кто поверил мне без оговорок, и я вдруг поняла, как отчаянно нуждалась в этом.

– А вы? – спросила я осторожно. – Почему вы здесь? Почему вдруг арендуете поместье на краю света?

Она улыбнулась, слегка пожав плечами.

– Родственники, после передачи титула, решили выдать меня замуж за какого-то скучного лорда — борода, как метла, пахнет сыром и потом. Ну, я и сбежала. Решила посмотреть, как живут простые смертные. А то, знаете ли, несправедливо это. Всю жизнь баловали: платья, лошади, даже единорога притащили однажды, но он сбежал, неблагородный! А теперь замужество? Нет уж! Понимаете, когда тебя всю жизнь оберегают, хочется хотя бы немного свободы. Я подумала: вот сниму какой-нибудь тихий домик на юге, а там уже что-нибудь придумаю.

– И они вас не найдут?

– Возможно, найдут, – весело кивнула Эстер. – Но я не намерена облегчать им задачу. Сказала им, что еду к тетке. И чтобы сбить их со следа, отправила туда своих людей во главе с Эдгаром, он, к слову, скоро и сам приедет сюда. Через какое-то время хватятся, а пока... Здесь я могу наконец дышать свободно. И знаете что? Пока мне здесь нравится больше, чем в розовом замке.

Она хитро улыбнулась, и я рассмеялась, чувствуя, как мне становится легче. Эта графиня оказалась совершенно не такой, какой я её представляла вначале. И, кажется, впервые за долгое время я обрела настоящую союзницу.

Глава 10

Прошла неделя, и жизнь в поместье начала приобретать некую рутину. Я вставала с рассветом, занималась садом, прислушивалась к своему телу, привыкая к тяжести в животе. Рабочие трудились над домом, а Эстер продолжала наводить в нём порядок, наполняя его своим хаосом и неутомимой энергией.

Это утро выдалось холодным, ветер гнал по двору сухие листья, а я стояла в саду, сжимая секатор. Живот уже тянул сильнее, и я старалась двигаться осторожно, обрезая сухие ветки. Вишни шептались на ветру, их кора блестела странным тёмным соком, и я чувствовала тепло под пальцами, когда касалась ростков. Магия? Может быть. Но я гнала эти мысли, боясь повредить.

Вдруг у ворот раздался стук копыт. Я выпрямилась, вытирая грязные руки о подол, и увидела Эстер — она выскочила из дома в лёгком платье, несмотря на холод, и бросилась к мужчине на лошади.

– Эдгар, дорогой, наконец-то ты приехал!

Я едва смогла рассмотреть внешность новоприбывшего гостя. Высокий, широкоплечий мужчина в дорожном плаще, с тёмными волосами, которые слегка падали на лоб. Он выглядел так, будто пережил не один бой и не особенно радовался тому, что прибыл сюда.

Пока я разглядывала его, Эстер буквально прыгнула к нему, только успевшему спешиться, обняла за шею и прижалась губами к его губам. Жадно, без стеснения, прямо на виду у всех. Он не отстранился, но и особого энтузиазма в ответе не проявил. Просто сжал её в руках, будто признавая её присутствие.

Я услышала, как кто-то неловко кашлянул позади меня — это был Лука, который тоже остановился, разглядывая новоприбывшего с легкой завистью.

– Так вот почему она сбежала... – пробормотал он себе под нос.

Когда поцелуй, наконец, закончился, Эстер откинулась назад и игриво шлёпнула мужчину по плечу.

– Ты ужасен, Эдгар! – прошептала она, отстраняясь, но не отпуская его руку. – Мог бы притвориться, что скучал! Я уж думала, ты заблудился в этих диких краях!

– Я за тобой три королевства проехал, а ты смеёшься, – его голос был низким и грубым, и в нём не было даже тени веселья.

– Да ладно тебе, я знала, что ты меня найдёшь, – рассмеялась она. – И я тоже скучала, честное слово.

Она снова обняла его, а потом развернулась и поманила меня рукой.

– Айрис, познакомься, это мой верный страж и защитник от скучных балов и приставучих женихов — Эдгар.

Я подошла, всё ещё не уверенная, как реагировать. Мужчина смерил меня долгим взглядом и кивнул, не сказав ни слова.

– Он всегда такой? – тихо спросила я у Эстер, когда мы пошли к дому.

– О да, ещё хуже, если честно, – весело ответила она. – Но, как видишь, я всё равно его обожаю.

Я не знала, стоит ли мне радоваться за неё или переживать, но решила не лезть в чужие отношения. Вернулась к вишням, чувствуя, как спина ноет от долгого стояния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.